

A nighttime photograph of a city skyline, likely New York City, featuring several illuminated skyscrapers. A prominent red circular glow is centered over the scene, and a red-tinted bridge spans across a body of water in the foreground. The overall mood is dramatic and romantic.

*Верь
И
Мушкетеру*

Марина Бонд

18+

Марина Бонд
Верь и чувствуй

«Автор»

2020

Бонд М.

Верь и чувствуй / М. Бонд — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03177-7

Она – дочь депутата. Он – отчаянный мотоциклист. Она – избалованная эгоистичная дебоширка. Он – парень с непонятным будущим. Что могло столкнуть их судьбы? Авария по ее вине, чудом не унесшая жизнь мотоциклиста. Чтобы замять историю, отец неуправляемой дочери предлагает уцелевшему парню далеко не пыльную работу за космическую оплату. Ждан соглашается и становится личным водителем Сусанны. Постепенно он разгадывает истинные причины ее странного поведения, проникая в тайны девушки.

ISBN 978-5-532-03177-7

© Бонд М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Бонд

Верь и чувствуй

Я хочу найти сама себя.

Я хочу разобраться, в чем дело.

Помоги мне, помоги мне.

Я хочу, чтоб моя душа тоже пела.

Децл и МА.Ру.СЯ «Письмо»

Глава 1

Скорость – это то, ради чего стоит жить. Скорость наполняет жизнь смыслом, насыщает ее красками. Только скорость дает то количество адреналина, от которого вскипает кровь, сердце пробивает грудину и становишься живее всех живых. От которого получаешь истинное удовольствие. На которое подсаживаешься по-черному и ловишь кайф. И с которого слезть уже невозможно.

Скорость окрыляет, вдохновляет, заряжает. Скорость дарит чувство абсолютной свободы, помогает выкинуть из головы лишние проблемы. Скорость – это всё! V-Max – это всё! Он дает то ощущение безграничной свободы, которым заменяется общепринятое понятие о счастье.

Ждан открутил ручку газа, выжимая из мотоцикла все силы. Кроваво-красный дрегстер подтверждал свое право считаться одним из лучших гоночных мотоциклов по преодолению прямой дистанции. Он с легкостью перестраивался из ряда в ряд, играя в «шашечки», обгоняя тяжелые и неповоротливые автомобили, которые уступали ему в разы по маневренности и динамике.

Правда, иной раз попадались такие же отчаянные любители скорости, как он сам, на низких, «прилизанных» спорткарах японской сборки с рычащими моторами. Они могли почувствовать друг друга даже за несколько полос. Невидимая нить соперничества объединяла их. И тогда между ними вспыхивал соревновательный дух. Перед мысленным взором маячил стартовый флажок, и все ограничители срывало.

Они мчались наперегонки с бешеной скоростью. И если пустынное шоссе позволяло в полной мере насладиться соперничеством, то на дорогах города тачки всегда уступали, без шансов на победу. Они не могли лавировать в междурыдье, как это делал Ждан. Они не могли сорваться с места на светофоре и в считанные секунды набрать скорость под сотню. И они проигрывали в неравной борьбе, не успев получить кайф от гонки.

Ждан вышел на объездную кольцевую дорогу. Пригнулся к рулю, улучшая аэродинамику, и помчался с немыслимой скоростью, рассекая теплый ночной воздух. Свет от уличных фонарей отражался на глянцевых боках мота. В ушах засвистел ветер. Он наконец-то почувствовал себя в своей стихии после толкотни на дорогах города. Впереди целое лето, и каждый вечер будет насыщен скоростью и адреналином. Всё, как он любит. Всё, ради чего он живет.

Боковым зрением через затемненное стекло визора он заметил стремительное приближение автомобиля с прилегающей разгоночной полосы. «Почему бы и нет?» – мелькнуло в голове. Он чуть сбросил скорость, позволяя спортивной тачке с блестящими, лоснящимися от натертого воска боками дорогого бордового цвета нагнать себя. Ровно настолько, чтобы, уловив с водителем друг друга взглядом, закуситься в скорости.

Удар!

Громкий стук металла – и его отбросило на отбойник. Характерный хруст костей ослепил вспышкой адской боли. Его рикошетом откинуло обратно, сорвало с седла, и он проскользил по дороге несколько десятков метров за мотоциклом. Асфальт, как раскаленная добела наждачка, стер насквозь джинсы и кожаную куртку с защитными вставками. Обжигающая боль разъела кожу на бедре до мяса. Мелкой дробью простучал шлем, защищая голову, и со стуком ударился о бортик. Всё произошло в считанные мгновения.

Ждан сцепил челюсти и с натугой задышал. Крепко зажмурился. Между бровями залегла складка. Холодные капли пота проступили на лбу и висках и сразу пропитали балаклаву. Его нога лежала вывернутая под неестественным углом. Кожа на другой ноге горела адским огнем, и ему не надо было видеть, чтобы знать – там недостает куска плоти. Голова раскалывалась от переизбытка поступающих рецепторов боли.

Он в сознании. Слышит низкое урчание двигателя подъехавшей машины. Хлопок дверцы. Быстрый перестук каблучков. Поднялся визор шлема, и он с трудом разлепил глаза.

– Он жив! – крикнул женский голос. Послышались другие голоса, глумливый и явно нетрезвый хохот, похабные комментарии. – Надо вызвать «скорую»! Слышь ты, идиота кусок, хорош ржать!! «Скорую» вызывай!

Обладательница голоса перевела взгляд на парня:

– Жить будешь. Если захочешь, – подмигнула она и нагло ухмыльнулась.

Ждан вгляделся в ее глаза, и его агонизирующий от боли мозг совсем растерялся. На него смотрели два разных глаза одного человека. Один коварно шурился и был такой же темный, как окружающая девушку ночь. Другой смотрел прямо и открыто, даже с некоторой долей сожаления, и светился, словно изнутри, лазурью летнего неба.

Она встала с корточек, и Ждан услышал отдаляющийся звук ее шагов. С трудом повернул голову и проследил за ней взглядом. Увидел, как ножки на высоких шпильках исчезли в салоне очень низкой машины с номерами 666 и xxx и логотипом золотого быка на черном щите. И отключился.

Глава 2

Она проснулась далеко за полдень. Тяжелые темные шторы были плотно задернуты, не выпуская яркий дневной свет. Она редко вставала раньше обеда: отсыпалась после ночных гулянок, развлекаясь каждую ночь. Откинула пуховое одеяло, и объемный, как живой, скорпион, изображенный на пододеяльнике, скукожился. Спустила ноги с кровати. С правого бедра на нее хитро посмотрела рыжая лисица. По левому змеился хвост дракона, туловище которого «карабкалось» вверх по ее боку, «цепляясь» и «оставляя» кровавые следы от когтей.

Сусанна потянулась и недовольно поморщилась – тупая боль в голове напомнила о вчерашних алкогольных возлияниях. Подошла к дорожному трюмо из красного дерева с множеством выдвижных ящичков и огромным зеркалом со встроенным освещением. Кинула две шипучих болеутоляющих таблетки в стакан с водой, что стоял на трюмо. Об этом позаботилась Наталья. Как и об остальных таблетках, которые Сусанна должна принять. Она же собрала грязные вещи, разбросанные по всей комнате. Она же на кой-то ляд заправляет ее постель каждый день. И она же прибирает ее вечно заваленную всяким хламом комнату.

Сусанна выпила раствор и не глядя опустила тяжелую руку со стаканом. Тот соскользнул с края столешницы и упал. Толстый ворс дорогого персидского ковра заглушил стук и не дал ему разбиться. Сусанна даже не обратила на это внимание. Плевать. Взглянула на себя в зеркало. Правая половина волос – ярко-розовые афрокосы длиной до пояса, часть из которых перекинулась через плечо на грудь девушки. Левая половина ярко-голубого цвета осталась за спиной. На плече был вытатуирован паучок с мохнатыми лапками, который тоже смотрел на нее. Мятая майка с изображением Спанч Боба едва доходила до пупка, в котором блестела сережка с бриллиантом. С трусиков на оборке подмигивал Патрик. Скорчила себе недовольную гримасу. Губы покривились, и платиновое кольцо в центре нижней губы еще сильнее передало плоть. Замерла. Несколько мгновений всматривалась застывшим взглядом в отражение своих разноцветных глаз. Потом брезгливо скривила лицо и показала себе язык. Тот блеснул штангой из чистой платины и исчез за полными, четко очерченными перманентным макияжем губами.

Накинула шелковый халат. Небрежно завязала пояс так, что кусок майки бесстыдно торчал. Подобрала с пола джинсовку от Gucci, куда не глядя бросила ее, когда пьяная вернулась домой под утро. Вынула из кармана пачку тонких сигарет, зажигалку и бросила. Наталья приберет. Как всегда.

Прикурила и пошла через весь огромный дом в кабинет отца, оставляя после себя шлейф табачного дыма. Она не любила курить. Но еще больше ее отец не любил, когда она курила в доме. И только для того, чтобы досадить ему, она делала это через силу всякий раз, когда он был дома.

Сусанна спустилась по широкой лестнице из дорогого голубого мрамора с позолоченными перилами. Сделала пару затяжек и почувствовала тошноту. Плевать. Лишь бы надымить тут посильнее. Сквозь панорамное окно от пола до потолка на первом этаже она увидела просторную придомовую территорию. Lamborghini, который она вчера поленилась загнать в подземный гараж и оставила у входа, не было. Значит, кто-то из охраны отогнал тачку. Интересно, заметили ли вмятину? Живая изгородь по краям аллеи, ведущей к дому, была идеально подстрижена добросовестным садовником. Он и сейчас, как заметила Сусанна, орудовал своими большими ножницами.

Она прошла по богато обставленной гостиной, в которой всё надрывалось криком о чрезмерной роскоши и полнейшем отсутствии вкуса хозяина дома. Преодолевая тошноту, Сусанна сделала глубокую затяжку и выпустила как можно больше дыма. Струсила пепел на дорожку

обивку кожаного дивана цвета слоновой кости, нисколечко не заботясь о последствиях. И наконец, спустя вечность, дошла до кабинета отца.

Она рывком распахнула дверь, не постучав. Та с грохотом ударилась о стену, громко известив о посетителе.

– Оля-ля! Я смотрю, ты не один. Впрочем, как всегда.

Сусанна, ухмыляясь и нагло размахивая сигаретой, вразвалочку прошла в кабинет. Женщина в дорогом строгом костюме сидела напротив отца. Их разделял массивный письменный стол из цельного дуба. Она вздрогнула от столь дерзкого появления девушки.

Сусанна помнила этот стол и ненавидела его всем сердцем. Как-то раз из-под него вылезла женщина с размазанной по губам помадой, когда Сусанна так же ворвалась в кабинет «не вовремя», прервав «совещание». Однажды она застучала отца во время животной случки прямо на этом столе. Представительница школы Президента принесла на рассмотрение бумаги о разрешении оборудовать компьютерные классы новыми мощнейшими ПК. Естественно, на это требовались определенные значительные расходы из бюджета города. И вот на этих самых бумагах, разбросанных по столу, отец поставил представительницу на четвереньки, задрал ее юбку, спустил до колен трусики – та предусмотрительно надела чулки – и, схватив ее за волосы, драл, как второсортную шлюху, не заботясь о приличиях. И много других постылых воспоминаний навевал Сусанне этот проклятый стол.

Она подошла и села на его край спиной к отцу. Полы черного халата с принтом черепов расползлись по сторонам и оголили татуированное бедро. Сусанна зло уставилась на женщину, которая явно растерялась и не знала, как себя вести. Сделала глубокую затяжку, чувствуя, как к тошноте прибавилось головокружение, и выдохнула дым прямо ей в лицо.

– Я занят. Ты не могла бы подождать в гостиной, пока я закончу? – глубокий бархатистый голос отца, тихий и властный, раздался за спиной у Сусанны. Этот голос сводил с ума всех женщин и рождал в их головах порочные мысли. Этот голос так и напрашивался, чтобы им говорили интимные непристойные слова. И этот же голос вызывал зависть своим насыщенным звучанием у таких же сильных мира сего, как ее отец.

Сусанна не повела и ухом. Продолжая нагло буравить женщину взглядом, рявкнула:

– Слышала? Пошла вон!

Дважды повторять не пришлось. Незадачливую визитершу как ветром сдуло. Евгений Николаевич недовольно вздохнул, откинулся на высокую спинку дорогого кожаного кресла и скрестил руки перед грудью. Его дорогая сорочка от известного модельера натянулась на крепких плечах. Посеребренные сединами виски красиво замерцали, когда он чуть повернул голову к дочери и вперил в нее тяжелый взгляд из-под низко нависших век.

Сусанна развернулась и хотела сделать еще одну наглую затяжку теперь уже ему в лицо, но не смогла. На этот раз ее точно стошнит. К тому же в кабинете курить разрешалось, и ее открытое неповиновение его наказам не вызовет должного раздражения. Она затушила сигарету в золотой пепельнице, украшенной по кругу драгоценными камнями – подарок отцу от администрации города на юбилей. Жирно и абсолютно без вкуса.

– На-а поговорить.

– Не глотай буквы. С тобой занимались лучшие высококвалифицированные логопеды в школе Президента. Или после окончания Гарварда ты забыла произношение русских слов?

– О! Давай тока без нотаций! – скривилась Сусанна, нарочно коверкая слова. Она спрыгнула со стола и бесцельно пошла бродить по гигантскому кабинету. – Мы вчера с друзьями малость покуролесили. Клуб, потом покатались. То да сё.

Она остановилась у окна и чуть одернула тяжелую портьеру из темно-зеленого бархата. Прямо напротив был огорожен вольер, в котором жили пять крупных иссиня-черных чистокровных алабаев с купированными ушами и хвостами – еще одна блажь ее отца.

– Ничего нового, – прервал он затянувшуюся паузу. Сусанна отвернулась и пошла дальше, мимо книжного стеллажа из дорогого красного дерева, до отказа забитого редкими произведениями великих авторов.

– Не совсем. Во время покатушек мы случайно зацепили мотоциклиста. Парень был жив, когда мы уехали.

Она взяла в руки томик Сократа – большой, увесистый, в кожаном переплете. Раскрыла книгу и увидела стопку стодолларовых купюр, вложенных в специально вырезанное углубление. Очередная взятка. Сусанна захлопнула испорченную книгу и вернула на место.

– Надо бы позаботиться о нем, – она повернула голову к отцу и прожгла его затылок горящим озлобленным взглядом. – Не так, как ты умеешь, а действительно, по-настоящему помочь. – Она пошла дальше, и босые ступни ее ног шагали неслышно, утопая в мягком ворсе исфаханского ковра.

– Меня никогда не интересовало меценатство мотоциклетного гетто. Не вижу причин нарушать традицию.

Ну, разумеется, не интересовало. Этот лживый и продажный человек имел дела только с теми людьми, от которых мог получить реальную выгоду. Книжки на полках тому явное подтверждение. Сдался ему этот вшивый мотоциклист.

– А я вижу. – Сусанна закончила обход кабинета и встала перед ним, сложив руки под грудью. Посмотрела в упор, и ее гетерохромия, как всегда, сбивала с толку. Для своих двадцати четырех лет она имела слишком жесткий взгляд. – На кольцевой дороге, где мы столкнулись, камеры везде стоят. Они нас наверняка засняли, а также то, что мы скрылись с места ДТП.

– Это не проблема. Запись всегда можно стереть.

– Она уже попала в руки журналистов. Кому, как не тебе, знать, как оперативно они работают. По-любому новость уже разлетелась по интернету, радио и телевидению.

– Каким образом ты хочешь вовлечь меня в эту историю? – Евгений Николаевич всматривался в свою непокорную дочь, которая словно специально вставляла ему палки в колеса. На его загорелом лбу четче обозначились хмурые складки, уголки губ опустились вниз.

– Всем известно, кто я такая и на какой машине езжу. По камерам видно, что я выходила с водительской стороны, а потом уехала, не дождавшись наряда ДПС. Поправь меня, если я ошибаюсь, – она перешла на фальшиво-официальный тон, – но, мне кажется, перед предстоящими выборами тебе совсем не на руку светиться в криминальных новостях. Или быть хоть как-то связанным с виновником инцидента.

Нет, не словно. Она в который раз и очень даже специально вредила ему.

– Правильно ли я всё понял: ты устроила аварию с участием мотоциклиста как раз в период гонок за политические очки и теперь хочешь, чтобы я всё уладил, не омрачив при этом свое доброе имя?

Зная Сусанну, можно было предположить, что это лишь верхушка айсберга. Она могла быть пьяна или под кайфом. И всё это загладить тихо и мирно, чтобы не повредить своей репутации, тоже предстояло ему.

– Я восхищена вашей дедукцией, маэстро! Bravo! – наигранно громко воскликнула Сусанна. Но каждое ее слово было пропитано таким ядом и желчью, что сомнений не оставалось – она далека от искренности.

– Мне вот интересно, почему именно сейчас ты стараешься изо всех сил насолить мне? А тебе известно, что такое предвыборная кампания.

– Потому что я твоя единственная, ненаглядная и горячо любимая дочь, которая со всей страстью отвечает тебе взаимностью, – приторно-сладко пропела она, сверкая злобным взглядом.

Глава 3

Сусанна оказалась права, и уже на следующее после аварии утро радиоканалы вещали в прямом эфире новость об автокатастрофе с участием мотоциклиста и дочери депутата Гордумы, что баллотировался на пост главы города.

Лена, супруга Лёхи Хоббита, услышала об этом, когда затеяла очередную стряпню. Дима Лысый узнал о происшествии, прочитав утреннюю сводку новостей на городском портале, и сообщил Максиму Баламуту и Глебу Желтому. И они такой компанией «взяли и приперлись к Элис».

– А я предлагал тебе вместе заказать мотоджинсы с защитными вставками! Там и скидка была хорошая, и доставка на двоих вышла бы интересней. Нет ведь! Как ты тогда сказал? «Фигня все эти вставки! С моей жопой и в простых джинсах ничего не случится!» Довыезжился? Теперь с недостающим куском задницы по-другому запоешь?

Лысый сидел на стуле рядом с кроватью. Немного тучный, он расстегнул косуху, чтобы не передавливала живот, поставил на одно колено шлем и оперся на него локтем. На кровати полулежал Ждан. Его левая нога была загипсована от бедра до голеностопа. Грудную клетку сильно стягивали эластичные бинты, чтобы зафиксировать сломанные ребра. Правое бедро было забинтовано от паха до колена, и именно там недоставало куска плоти, о котором толковал Дима.

Когда Ждана только доставили в больницу, он был в отключке от болевого шока. Днем он пришел в себя в четырехместной палате, как будто специально созданной для горе-экстремалов. Здесь был скейтбордист, который неудачно приземлился с трамплина и сломал лодыжку. Выписывался скалолаз, который сорвался с утеса и уцелел только благодаря страховочному тросу. Однако, раскачиваясь на нем, он сильно ударился о скалу и получил закрытый перелом плечевой кости. И всё время спал и постанывал во сне байдарочник, который не справился с управлением на слишком быстром течении и раздробил обе кисти о каменный выступ. Его особенно беспомощному положению не завидовал никто.

– А вот куртка молодец! Я видел, что от нее осталось – рожки да ножки. Вышоркалась в местах защиты в ноль! Если б не она, плакали бы твои плечи, как и задница! – вставил свои пять копеек Макс. Он сидел верхом на стуле, который притащил из коридора, рядом с Димой, и качался на двух ножках. Был в мотоботах, «черепахе» и, как всегда, лохматый.

– С моей задницей и так всё в порядке! А вот ляжке хана. Еще и нога ныть начала. Боль такая – хоть на стену лезь. Еле докричался медсестру, чтоб обезбол вколола, – сказал Ждан с набитым ртом. Он уплетал за обе щеки пирожки, которые настряпала утром жена Хоббита. Перед ним на кровати стоял поднос с остатками больничного пайка и еще целый пакет с пирожками.

– Хорошенькая? Как та, что на обложке Blink-182? Уу, я бы такой с удовольствием поставил свой зад для укола, – Баламут залихватски улыбнулся.

– Та телка натягивала на руку резиновую перчатку не для того, чтобы укол всадить, а кое-что другое! – хохотнув, осадил приятеля Лысый.

– Где мот? – спросил Ждан, доев пирожок и вытерев рот от крошек тыльной стороной ладони. Он передал Глебу поднос, чтобы тот убрал его на стол.

– У меня в гараже, – ответил Желтый. Он встал рядом с соседней кроватью. На его широких плечах висела расстегнутая мотокуртка. – Правая бочина после «скользячки», на баке вмятина, ну, и раму чутка повело от удара. Но на ходу. Его подшаманить, и как новенький будет! Баламут сместился на край стула и качнулся к Диме:

– А что другое собиралась всадить та телка?

– Это перчатка, которой пользуются проктологи. Так как ты думаешь? – Лысый в который раз подивился наивности самого молодого товарища их шайки.

– Фу! – передернулся тот и сел на место.

– Что врачи говорят? Сколько времени понадобится на восстановление? – Лёха Хоббит сидел на кровати в ногах потерпевшего и чистил влажной салфеткой визор на своем шлеме. Длинный и худой, он обладал флегматичным характером и никогда никуда не спешил. Стоял теплый сухой день, и все парни прикатили на мотах.

– Пока ничего. Завтра обход, там и видно будет. Я при любом раскладе здесь долго не собираюсь торчать. Только устроился на новую работу. Еще даже испытательный срок не прошел. Так меня и отпустили на больничный, ага.

– Здоровье поважнее будет. Тем более, твой гарантийный срок давно закончился, – резонно заметил Глеб.

– Ты успел увидеть хоть что-то? Кто это был? – снова встрял Макс.

– Отпустить-то, может, и отпустят, а вот выплатят ли?.. – философски обронил Хоббит и оценил чистоту визора.

– О! Протри мой тоже! – Баламут вскочил со стула, едва не опрокинув его, и подsunул Лёхе свой шлем с целым кладбищем насекомых на визоре.

– Ну, начинается! – недовольно протянул тот, но отложил свой чистый шлем и принялся за новый.

– Выплатит мне цыпа на крутой тачиле, что подрезала меня.

– Типа договорился?

– Типа спалил номера. Теперь не отвертится.

– Э, брат. Это ты так думаешь. Так тебе на слово и поверили, – Глеб перенес вес тела на другую ногу и привалился боком к спинке рядом стоящей кровати. С нее раздался тихий стон и невнятное бормотание байдарочника.

– Я слышал, там камеры недавно установили. Теперь приходится номер загибать, чтоб «письмо счастья» за скорость не прилетело, – пожаловался Баламут, следя за тем, как Лёха очищает его шлем.

– По ним-то и разнохают горе-гонщицу. Тем более что телочка явно не из простых. Слишком крутая тачка, слишком четкие номера. Такую подоить сам Бог велел.

– Смотри, как бы боком не вышло, – предостерег Желтый. Ждан отмахнулся и стал поправлять подушки за спиной. Лысый потянулся и помог ему.

Они еще немного поболтали. Хоббит дочистил шлем. Дима взял ключи от дома Ждана и пообещал завтра привезти необходимые вещи. Съели по пирожку – каждому досталось по одному – и отшвартовались.

Глава 4

Ждан досматривал «Трансформеров». В конце фильма шла эпичная сцена, когда военный чувак разогнался на спортбайке, потом специально завалился на бок и по инерции очень долго скользил на пятой точке. Оказался под десептиконом и точными выстрелами завалил того.

– Давайте, рассказывайте, ага! После такого трюка у него не то что штаны, у него задница до костей протрется! – прокомментировал Ждан, когда этот военный с победоносным видом встал и побежал дальше спасать вселенную. Он покачал головой, «восхищаясь» фантазерством американцев. Либо же у всех героев супернеуязвимые задницы. В отличие от его. Он поморщился, когда боль в бедре вспыхнула с новой силой, стоило чуть-чуть поменять положение.

На следующий день после визита парней его перевели в одноместную палату повышенного комфорта. Ничего не объясняя, ни во что не посвящая, просто взяли и со всем бараклом, что привез Лысый, перевели. Тут был и телевизор, и холодильник, кем-то набитый всякими ништяками, и персональный санузел. Не больница, а курорт!

Его неведение закончилось, когда в палату без стука вошли двое хмурых серьезных парней в дорогих черных костюмах, с гарнитурой в ухе, в темных очках, с черными аккуратно подстриженными бородками и черными короткими волосами на голове. Двое из ларца одинаковых с лица. Не говоря ни слова, они проверили шкаф и тумбочки, заглянули в туалет, выглянули из окна и даже прошерстили под матрасом и подушками Ждана, под ошалевшим взглядом последнего. Убедившись, что «всё чисто», один из них выключил телек и занял стойку в углу палаты. Другой вышел, а вернулся уже не один.

Мужчина представительного вида сел на стул, выдвинутый охранником, рядом с кроватью Ждана. Они несколько мгновений молча изучали друг друга. Где-то Ждан уже видел это лицо. Пока он силился вспомнить, мужчина заговорил:

– Меня зовут Евгений Шустов. И так получилось, что моя дочь стала непосредственным виновником аварии с вашим участием.

Точно! Депутат на выборах мэра города! Ждан вспомнил его лицо, которое частенько мелькало во всех СМИ. То он отреставрировал школу, то спонсировал строительство новой детской площадки, то облагородил пансионат для стариков. Да и имя, связанное с его благодеяниями, у всех на слуху.

– Как любой уважающий себя гражданин, вы наверняка осведомлены о предстоящих выборах, а также о том, что я принимаю в них участие. Мне дорог голос каждого жителя нашего города. И ваш – особенно.

Ага, как же! Как будто всё уже не куплено! Ждан скрестил руки перед грудью и слегка наклонил голову, вздернув уголок рта.

– Думаю, вы понимаете, насколько эта неприятная ситуация может уменьшить мои шансы на победу?

Было бы гораздо удобнее замять эту историю. Скажем, чтобы ее вообще не было, как и его. Взгляд Ждана метнулся на охранников: уж не за этим ли они здесь?

– Поэтому я хочу с вами договориться. Как думаете, нам это удастся?

Один из охранников, тот, что стоял позади депутата, поправил галстук. Полы его пиджака слегка разошлись, и мелькнула рукоять огнестрельного оружия. Хитро!

– Смотря что вы хотите предложить.

– Я полагаю, мое нахождение здесь говорит само за себя. Мне важно мое реноме. Взамен я мог бы предложить вам...

Он позволил недосказанности загадочно повиснуть в воздухе. Что? Свободу? Покой? Жизнь? Ждана начала забавлять вся эта ситуация. Не смогла добить дочь, пришел добывать отец. Зашибись! Он усмехнулся и пошел ва-банк. Ему терять нечего.

– Я весь внимание! – со слышимой долей скепсиса протянул он.

А парень не из робкого десятка. Что ж, это хорошо. Шустову нравились сильные противники. Ему нравилось их нагибать и подчинять своей воле. Любыми способами. И чем сильнее оппонент, тем слаще над ним победа.

– Как вы успели убедиться на собственном примере, навыки вождения моей дочери оставляют желать лучшего. Долг родителя не позволяет допустить еще одной аварии. Я не переживу, если с моим единственным чадом что-то случится, – он выдержал паузу и продолжил. – Мне также известно о прохождении и успешном окончании вами курсов по экстремальному вождению авто- и мототехники. Также о курсах вождения в условиях плохой видимости и на различных видах дорожного покрытия.

– Откуда вы это знаете?

– Молодой человек, я всё о вас знаю, – его расчетливые голубые глаза холодно блеснули. – Вдобавок ко всему общий стаж вашего безаварийного вождения насчитывает более десяти лет. Все вкупе эти данные склонили меня сделать вам весьма интересное предложение. Я хочу нанять вас личным водителем для Сусанны.

Ждан почесал заросшую щетиной щеку.

– И в чем же интерес?

– В оплате.

Он сделал знак, и охранник протянул Ждану сложенный вдвое лист бумаги. О боже! Сколько пафоса! Ждан развернул и увидел столько нулей после первой цифры, что сначала сбился со счета.

– Это в месяц. Согласитесь, оплата более чем достойная за такой непыльный труд.

Ждан скомкал бумажку и уронил руку на одеяло.

– Вам проще нанять профессионального водителя и платить ему адекватную зарплату.

– К сожалению, не могу с вами согласиться. Видите ли, мне нужно заручиться вашей поддержкой, а также вашим голосом в предстоящих выборах.

– В смысле купить? – подсказал он более верное слово. Шустов холодно улыбнулся, а его глаза заискрились неподдельным интересом:

– В наших кругах это называют заручиться поддержкой.

– Почему бы вам не откупиться от меня этой же суммой, помноженной на... несколько, и дело с концом?

– Признаюсь честно, мне приходила в голову эта идея. А следом за ней посетила другая, что вы, обладая цепким умом, смогли бы потребовать еще столько же. А потом еще столько же. А потом еще и еще. Нести столь большие и непредвиденные расходы я, к сожалению, не могу себе позволить. Так что мое предложение весьма недурное. Что скажете?

Ждан откинул голову назад и нечаянно стукнулся о спинку кровати.

– Вы ведь уже всё продумали за меня. Зачем спрашивать?

– Я рад! Я очень рад, что нам удалось прийти к соглашению! – он хлопнул в ладоши и довольно потер руки. – Грайр, ты случайно не захватил с собой договор?

Конечно, захватил, и, конечно, не случайно. Он вынул из внутреннего кармана пиджака сложенные вдвое бумаги и вместе с ручкой протянул Ждану.

– Нужна только ваша подпись.

Все паспортные данные, вся информация о нем была уже вписана. Оперативно сработали, ничего не скажешь. Пока Ждан бегло просматривал условия договора, Шустов продолжил:

– Новость о произошедшем инциденте уже облетела все СМИ. Полагаю, вы не откажете мне в любезности опровергнуть все доводы против моей кандидатуры на пост главы города?

Ждан взглянул на него исподлобья, не поднимая головы от бумаг:

– Каким образом?

– К вам наведаются журналисты с местных каналов радио и телевидения, чтобы взять у вас интервью о случившемся. Как вы видите, я сделал всё возможное, – он широким жестом обвел палату и указал на договор, – чтобы вы чувствовали себя максимально комфортно в период реабилитации. Надеюсь, вы сделаете на это акцент в вашей беседе с журналистами.

Так вот откуда ноги растут. Это всё подкуп.

– То есть придут журналюги, и я им должен сказать что-то типа: «Вы знаете, несмотря на то, что Евгений Шустов не может найти управы на свою дочь, с городом таких проблем не будет! Я искренне верю в то, что Евгений Шустов возьмет бразды правления над городом в ежовые рукавицы и никакого беспредела не допустит! Не то что с дочкой».

– Совершенно верно! – лучики морщин разбежались из уголков глаз Шустова. Да, парень не промах. Просекает, что к чему. – Только я попросил бы вас употребить несколько иные выражения. Не такие прямолинейные.

– Ну, разумеется.

Глава 5

Ждан выкарабкался из такси, засунул под мышки костыли и поковылял к подъезду. Обо всем этом – надлежащее лечение, личный транспорт, костыли и медикаменты – предусмотрительно позаботился Шустов. Навстречу ему шла тетя Сара в повязанном на голове платке. Грузная женщина лет так за шестьдесят, она шла вразвалочку и слегка страдала отдышкой. Ветер колыхал ее свободное темное платье в мелкий горох. В одной руке она несла авоську, в другой – сложенную газетку и обмахивалась ею, как веером. Стоял жаркий июньский день.

Стоило ей разглядеть Ждана, как тетушка раскудаhtалась:

– О! Жданушка, дорогой ты мой! А я к тебе собралась! Я же ж уже все глаза заплакала! Ой! Я такая рада! – она подстроилась под его неровный шаг и пошла с ним рядом в общежитие, откуда только что вышла. – Ох, Жданушка, родненький ты мой! Я же ж тебе гостинцы собрала. И носочки, и футболочку, и хлебчика, и рыбки вяленой, шоб ты хоть как-то покушал! Вот только сигарет не нашла. Я же ж не курю.

– Спасибо, тетя Сара.

Они подошли к подъездной двери, и тетушка придержала ее перед ним. Пропуская вперед себя, она покачала головой и ее тон посуровел:

– Ты мне скажи, тех халамидников арестовали? Предали суду? Мудрому, но несговорчивому?

– Там серьезные люди за всем этим стоят. Их так просто суду не предадут.

– Нет, мне это нравится! Так можно, я вас спрашиваю? Их надо поймать, убить и наплевать им в рот! Кинуть головой в навоз! Мне неинтересно с ними жить в одном городе!

Ждан не стал углубляться в подробности. Узнай она всю правду, возмущалась бы несправедливостью устройства мира сего всей полнотой своей еврейской души.

Ждан вошел внутрь, поднялся на второй этаж, дошел до своей комнаты. И всё это в сопровождении ни на секунду не умолкающей женщины:

– Ой-ой! Прямо сердце болит за тебя изнутри! Из тебя ведь ничего не осталось! Как ты ужасся, ай-ай! Да шо ж в этой больнице совсем не кормят? У меня еще один, но исключительный вопрос. Таки шо доктор? Сделал себе мнение?

– Через неделю снимать гипс. Ребра уже срослись.

Ждан зашел в комнату, в которой за две недели его отсутствия не поменялось ничего. Скинул рюкзак на стул. Прислонил костыли к спинке незаправленной кровати и почти рухнул на нее сам. Завел руку за голову, стянул толстовку и бросил ее не глядя на пол. Остался в майке и спортивных штанах, одну штанину у которых пришлось отрезать, потому что не помещалась загипсованная нога.

– Ай-ай-ай-ай-ай! И все-таки я тебе скажу, дорогой мой Жданчик, кушать надо немножечко побольше. Ты ведь раньше какой красавчик был! Какой сочный!

Ждан всегда был одинаковой комплекции, что до больницы, что после. Но тетя Сара, добрейшей души человек, считала иначе.

– Ну, ничего-ничего. Ты у меня сейчас со вкусом покушаешь! Я же уже с утра всё приготовила: и форшмак, и синенькие, и супика наварила, и лосика нажарила!

– От покушать я бы не отказался.

– Сейчас всё будет! А ты пока побудь здесь. Приляг, отдохни с дороги. Утомился, небось. А я мигом всё принесу. Вот только разогрею, а то с утра, стало быть, остыло. Хотя при такой густой жаре должно долго выдержать. – Тетя Сара взглянула на толстовку, брошенную на пол, – я интересуюсь знать, и как таки ты не спарился, золотой мой?

– В рюкзак не вошло. Пришлось на себя надеть.

Но «спариться» он не успел – в тачке на всю мощь работал кондей. Считай, чудом не замерз.

– Ну, так как тебя залатали? Покажи хоть на глазочек? Я бы посмотрела даже из интереса.

Она переложила рюкзак со стула, а сама тяжело опустилась на него. У нее не было своих детей, и всю нерастраченную любовь она перенесла на Ждана – единственного молодого холостяка во всем общежитии.

– Там... ничего интересного, – замылся он. Ему совсем не улыбалось оголять поврежденное бедро на глазах у впечатлительной женщины. – Немного недостает кожи, вот и всё.

– Так я и поверила твоей невинности на лице! Дырка?! Скажите, пожалуйста! Ну, разве так можно, я вас спрашиваю? Ты же ж не окно в женской бане! Зачем в тебе дырка? – тетя Сара так и всплеснула руками.

– Да не дырка там. Просто... стерто маленько. Я бы поел, тетя Сара. Может, подогреете?

– Нет, вы только посмотрите на этого ребенка! Он же ж всю душу в этот мотоцикл вложит! Я извиняюсь очень сильно, но где таких, как ты, родют? Таких, шоб для покататься с ветерком? А если шо случится? Так собирай его таки по кусочкам! И ладно сейчас все кусочки вместе оказались. А как не вместе?

– Беда... – он пожал плечами.

– И я за что! Нет, ты слухай мое сердце, дорогой. Слухай сюда и не расходуй мне последний нерв! Я тебя уважаю, но тьфу тебе под ноги за твое непутевое сердце! Давай! Убейся совсем на своем мотоцикле! Делай тетю Сару сиротой! Ай-ай-ай!

Последние слова ее звучали приглушенно из коридора, когда она всё же отправилась в общую кухню накладывать ему еду. А Ждан тем временем обыскал все ящики и полки, проверил все карманы в поисках сигарет. А когда нашел, с жадностью затянулся. Да так, что точки перед глазами замелькали.

Ему предстояло приступить к своим обязанностям личного водителя сразу же, как только снимут гипс. И уже через неделю он вышел из такси перед парадным входом дома Шустова.

На подъездной аллее, ведущей к дому, Ждан тихонько присвистнул. Идеально подстриженный газон блестел каплями воды из поливочной системы опрыскивания. По центру его прорезала широкая аллея, выстланная идеально ровным серым асфальтом. Ждан вышел из такси и окинул взором дом Шустова. Вот как есть замок. Только рва вокруг недостает. И дракона.

Опираясь на палку, что заменила костыли, он двинул к парадной двери. В вольере перед правым крылом дома залаяли и стали кидаться на ограждение огромные псы с лоснящейся на солнце черной шкурой. Ну, эти сойдут за дракона.

Он позвонил в массивную дверь, и навстречу ему вышли охранники, те, которых он уже видел. Они представились – Грайр и Самвел – и повели его в подземный гараж. Ждан проморгался и дождался, когда зрение привыкнет к полумраку гаража после ослепительной яркости солнечного дня.

– Выбирай машину. Сусанна спустится, и повезешь ее по делам.

– По каким?

– Понятия не имею. Но приготовься к долгому и скучному дню, – со знанием дела посоветовал Самвел. Он показал, как работают двери, где что находится и вручил комплект ключей от гаража. Ждан огляделся, и у него во рту пересохло. В ряд стояло пять чистых, натертых до блеска и очень крутых машин. Да это же мечта любого мальчишки с детства! После Черепашек-ниндзя, разумеется.

Ждан проковылял мимо, осматривая восхищенным взглядом каждую из них. Охранники с улыбками переглянулись – они прекрасно помнили свою первую реакцию на эти сокровища. Он увидел Lamborghini. От вмятины не осталось и следа. Рядом, мерцая серебристыми боками, стоял эксклюзивный и дорогой Maybach. За ним – двухместный миниатюрный кабриолет Porsche насыщенного красного цвета. Настоящий раритет, который никогда не выйдет из

моды – Ford Mustang. И Rolls-Royce – самая крутая тачка всех времен и народов! Мощный, внушительный. Фантастический! Не машина – зверь! Если и возить по «мышинным» делам дочку депутата, то только на нем. Ждан прошелся пальцами по массивной вертикальной решетке радиатора и задержался на статуэтке «Дух экстаза», которая как нельзя лучше изображала эту машину.

– Я хочу поехать на «Порше» с откидным верхом.

В его затуманенное восхищением сознание проник женский голос. Ждан даже не понял, откуда он взялся. Обернулся – охраны как не бывало. Зато появилась она – главная причина его бед. Сандалии на высокой платформе тонкими кожаными ремешками обвивали ее голени до самых колен. Оба бедра в татуировках. Короткие джинсовые шорты ярко-желтого цвета. На светлой свободной майке прямо под грудью улыбались губы подружки Джокера. Согнутой рукой придерживала сумку на правом плече, и он не смог разглядеть набитый «рукав». Зато увидел длинные ногти черного цвета, которыми она постукивала по ремешку сумки. Пальцами другой руки перебирала ярко-голубые косички, и там ее ногти были кислотно-оранжевого цвета. Перед губами надулся большой пузырь из жвачки и громко лопнул. Не женщина – недоразумение.

– Насмотрелся? Теперь поехали.

Сусанна бросила ему ключи и стала обходить тачку, чтобы занять пассажирское место. Ждан поймал их на лету, но не тронулся с места.

– Поедем на «Ролсе».

– А я хочу на «Порше»!

– О своих хотелках стоило подумать раньше, когда меня подрезала. У меня жесткий бандаж после перелома, – он постучал палкой по левой ноге. Звук вышел громкий и какой-то неживой. – Нога почти не сгибается. Я в эту крошку при всем желании не влезу.

Он кинул ей ключи обратно. Сусанна против воли залюбовалась им. На нем была черная футболка, достаточно тесная, чтобы увидеть проступающие мышцы плеч и спины, и четко обозначенные мышцы на груди. Брюки карго серо-зеленого цвета и кепка, затенявшая глаза и нос. Мускулистая шея переходила в квадратный гладко выбритый подбородок с ямочкой по центру и четко очерченными губам. Мужественная, притягательная внешность, которую не портила даже хромота, когда он поковылял к «Ролсу», насмешливо бросив:

– Нагляделась?

Швырнула ключи на сиденье и быстро приблизилась к нему. Надо поставить его на место, чтобы сразу усек, кто командует парадом!

– Эй, парень! Ты будешь возить *меня*. Поэтому советую тебе прислушиваться к *моим* пожеланиям! Нам ездить по городу. Кабриолет более юркий и маневренный по сравнению с этим... танком. Лавировать в пробках на нем будет комфортнее.

Сусанна не ожидала, что он внезапно остановится и резко развернется к ней. Она почти налетела на него со всего маху. Девушка не отличалась миниатюрностью. Она не была одной из тех фарфоровых кукол, в сторону которых и вздохнуть-то страшно – снесет. И рост ее соответствовал телосложению. Но даже на высокой платформе ее глаза оказались лишь на уровне его губ. Нагло ухмыляющихся губ, когда он чуть откинул голову назад и посмотрел на нее свысока. Тусклый свет попал под козырек кепки, и она увидела его смеющиеся светлые глаза.

– Давай-ка еще раз, детка. Из-за тебя у меня не сгибается нога. И из-за тебя я теперь прилип на место твоего водителя как минимум до выборов. Поэтому давай ты не будешь погачить мою жизнь еще сильнее, а станешь умницей и посадишь свою попку в *эту*, – он указал глазами, – машину. С его мощью он сорвется с места и обставит любую пробку. Правда, бензина съест немало, но тебя это не должно волновать.

– Я тебе не детка.

Она стояла так близко, что Ждан почувствовал сладость ее дыхания от фруктовой жвачки. И снова эти разноцветные глаза – один с хитринкой, другой невинный. Он увидел колечко в брови, еще одно в правом крыле носа и на губе. Она развернулась, и с ее шорт на заднице ему подмигнул смайлик. Обошла машину и уселась на заднее сиденье по диагонали от водителя.

Ждан сел за руль, рядом положил палку, устроил покалеченную ногу. Содранный кусок плоти почти восстановился и теперь жутко чесался. Отрегулировал положение кресла и руля. И почувствовал себя королем! В этой машине было создано абсолютно всё для комфорта водителя. Завел двигатель, и низкое, мощное урчание приятно обласкало слух. Он словно почувствовал, как целый табун нетерпеливо бьет копытами под капотом. И вся эта мощь скоро вырвется наружу под легким нажатием педали. Не машина – сказка!

Он открыл пультом дистанционного управления ворота гаража. Сощурился и надвинул кепку ниже на глаза, когда яркий дневной свет стал проникать внутрь. Опустил руку на руль, плавно нажал на педаль. И чуть не кончил, когда зверюга под ним тронулся, едва сдерживая мощь.

– Куда едем?

Девушка придвинулась к нему ближе и с издевкой проговорила:

– На Кудыкину гору воровать помидоры.

Ждан откинул голову и улыбнулся, обнажив плотный ряд белых зубов. Поездка обещает быть какой угодно, только не скучной!

Глава 6

Сусанна откинулась на спинку и посмотрела на Ждана. Она не ожидала его увидеть, тем более в качестве своего водителя. Отец только сегодня поставил ее перед фактом своего решения. Ну и пусть! Ей же проще! Теперь не надо выстраивать маршруты по пробкам города. Теперь пусть у него об этом голова болит.

– И где эта твоя Кудыкина гора находится?

А у него красивый голос. Протяжный, с хрипотцой и как будто с еле заметным акцентом. Он приезжий что ли? Сусанна велела ехать на основную магистраль. Некоторое время ехали в тишине. Потом Ждан настроил радио, и из колонок, встроенных по всему салону, заиграла песня группы Aerosmith.

– Мне не нравится эта песня, – капризно заявила девушка.

– Она закончится и зазвучит другая.

– Я не хочу ждать окончания.

– Тогда убавь у себя звук.

– Я всё равно буду слышать ее из твоих колонок.

Ждан вздохнул:

– Послушай, что плохого тебе сделал Стив Тайлер? У него отличный голос, он классно поет. А фильм, к которому саундтреком играет эта песня, просто отпадный. Великий и могучий Брюс Уиллис спасает планету и всё человечество, жертвуя собой. Может, ты не видела? Так посмотри. Тогда и песня пойдет.

Сусанна только фыркнула в ответ и отвернулась к окну. Она смотрела «Армагеддон» и даже всплакнула в конце фильма. Да и песня ей нравилась. Это она так ляпнула, чтоб лишний раз указать парню на его место. А он, смотри-ка, не пасует.

– А вообще, по твоей внешности и не скажешь, что у тебя нелады с роком, – продолжил он, когда вырулил на главный проспект.

– И какая у меня внешность? – вскинулась Сусанна. Вся такая колючая и ершистая. Ждан повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть ее. Она перекинула все косы на одну сторону, и открылось ее левое ухо, сплошь усеянное пирсингом по всей раковине и мочке. Он встретился с ней глазами:

– Не попсовая.

Сусанна вздернула четко очерченную перманентным макияжем бровь, и колечко блеснуло холодом металла. Ждан вновь перевел взгляд на дорогу, но она успела разглядеть его глаза – глубоко посаженные, голубые, густого насыщенного цвета. В гараже они казались просто светлыми, а при свете дня заиграли всеми бликами топаза.

– На светофоре направо.

– Скажи, куда ехать, а дорогу я сам выберу.

Сусанна назвала адрес. Ждан снял кепку за козырек, почесал светлые, коротко стриженные волосы, слежавшиеся под кепкой, и водрузил ее обратно.

– Ну и время ты выбрала ехать на другой конец города.

– Слушай, парень. Если тебе что-то не нравится, незачем было соглашаться на эту работу.

– Ждан. Хочешь ко мне обратиться, обращайся по имени. – Он включил поворотник и перестроился через три полосы в крайний левый ряд, чтобы повернуть налево, вопреки ее указу. – За ту оплату, что предложил твой отец, только дурак отказался бы.

– Понятно. Значит, ты один из тех, кто готов трудиться на ненавистной работе, лишь бы платили хорошо, – она скрестила руки под грудью.

– Я, может, открою тебе какой секрет, но очень многие так делают, – он посмотрел на нее в зеркало. – Большая удача, когда человеку нравится то, чем он занимается, да еще и бабки

нормальные за это получает. Но так повезло далеко не всем. Вот, может, чувак плотник от Бога или, там, слесарь отличный. И руки у него из того места растут, и соображает, и душу вкладывает. А платят копейки. А у него семья: жена шубу просит, сына на хоккей отдать хочет, дочку к музыке тянет. На всё это деньги нужны. Вот и приходится бедолаге устраиваться каким-нибудь менеджером по продажам. Каких сейчас как собак нерезаных. И которым быть у него нет ни желания, ни таланта. Впаривать людям в общем-то ненужные им вещи или услуги. Разводить их. И всё для того, чтобы заработать столько, сколько за любимое ремесло не платят.

Сусанна взъерепенилась:

– А я бы осталась плотником, и чихать, сколько за это платят. Главное, делать то, к чему лежит душа.

– Просто об этом рассуждать, когда ты ни разу не сталкивалась с такой ситуацией. Когда перед тобой не стоял выбор: жить в достатке или посвятить себя любимому делу, а оба эти понятия не совместимы.

– Да что ты так уцепился за эти деньги? Это всего лишь разменная валюта. Они не стоят того, чтобы ради них положить всю свою жизнь. Не в них счастье!

Ждан усмехнулся и повернул в проулок, о котором Сусанна и не подозревала.

– Легко так говорить, сидя в «Роллс-ройсе». Ты никогда не знала недостатка в деньгах. Ты бывала в таких местах, о которых люди, как я, даже не слышали. Ты училась в таких учреждениях, о которых простые смертные даже не знают. И гораздо проще говорить, что деньги – это мусор, когда их навалом. А взгляни на ту женщину. – Ждан вырулил на оживленную улицу и указал на остановку.

Там стояла молодая женщина. В одной руке она держала большой и видно, что тяжелый пакет с продуктами. Другой не отпускала от себя неугомонного мальчугана, а голосом пыталась приструнить второго сорванца, который явно не желал успокаиваться.

– Она ведь не от скуки стоит на остановке под солнцепеком и ждет общественный транспорт. Значит, лишних денег на такси нет. В ее руке огромный пакет продуктов, значит, она сама заботится о пропитании своего семейства. Либо потому, что у нее нет мужа. Либо есть, но такой, что лучше б и не было. Мелюзга выкачивает из нее последние силы. И что-то мне подсказывает, что работает она далеко не на любимой работе и уж тем более не по зову сердца. – Ждан остановился на светофоре и посмотрел в глаза Сусанне через зеркало. – Попробуй ей сказать, что не в деньгах счастье. Вот прямо сейчас опусти стекло и крикни ей это. Да она запустит в тебя пакетом, не задумываясь. Или ребенком. Тем, что покапризнее.

Ждан тронулся, когда загорелся зеленый. Сусанна заметила, что он как-то странно елозил на сиденье. Поморщился, чуть передвинув ногу в бандеже, и она ощутила укол совести. А что, если он сейчас вынужден заниматься нелюбимым делом, и не столько из нужды, сколько по ее милости? Ведь из-за нее он на некоторое время стал недееспособным.

Но она быстро одернула себя. У него всего лишь временные трудности. У него целая жизнь впереди...

– Ну, а чем ты занимался до того, как прилип здесь? Любимым, но не выгодным делом или был одним из тех мужей, что не в состоянии принести домой пакет еды?

Ждан сощурился и улыбнулся одной половиной рта. Ох, и язва же она!

– Своим любимым делом я смогу заняться еще не скоро. Благодаря некоторым, – он многозначительно посмотрел не нее в зеркало. – А работал я системным администратором.

– Для меня это что-то из области фантастики.

– Как и для многих. Приехали. – Он остановил машину и, наклонясь к рулю, через лобовое стекло окинул взглядом небоскреб с названием торгового центра.

– Прекрасно! Жди меня здесь.

– Долго?

– Сколько придется.

Она вышла из машины, закинула сумку на плечо и выплюнула жвачку прямо на асфальт. Тряхнула своими розово-голубыми косичками и пошла к зданию, виляя смайлом на заднице. Ждан вышел из тачки размять ноги и покурить. Сигарета еще не кончилась, а он уже взмок от жары. Вернулся в прохладу салона и стал ждать. Вариантов-то немного.

Глава 7

Сусанна вошла через помпезные двери торгового центра, раскинувшегося аж на семьдесят два этажа. Минуя презентабельный холл и пестрящий разнообразной рекламой первый этаж, она направилась к неприметной круговой лестнице, ведущей в «Подземелье».

– Салют, котятки! – поздоровалась она с сестрами-близнецами, совладелицами салона. За перегородкой, разрисованной граффити, жужжала машинка Стикса – тату-мастера. Темные стены салона были выкрашены флуоресцентными красками и светились, придавая сюрреализм помещению. Из колонок звучала старая добрая Wake me up when September ends группы Green Day. На гостевом диванчике в виде губ Сальвадора Дали полулежали Карась и Червяк и залипали за видеоиграми в своих телефонах.

– А вы чё тут третесь? – Сусанна бросила сумку и попала в Карася. Из-за тщедушного телосложения того согнуло пополам, когда она прилетела ему в живот. Червяк заржал.

– Им, как обычно, нечем заняться, вот и ошиваются здесь, – ответила за них Фурия, одна из сестер. Она собирала свои длинные фиолетовые с розовым дреды в пучок и смотрела на Сусанну через зеркало. Та подошла и плюхнулась в кресло рядом с ней. С другой стороны приблизилась Гарпия и стрельнула в сестру лукавым взглядом:

– А по-моему, кто-то к кому-то подкатывает свои кокосы!

– А ты и бесишься, что не к тебе!

– Да сдался мне этот... полоумный. – Гарпия посмотрела на Карася, который развалился на сиденье дивана, закинул ноги в берцах на спинку и свесил голову с зеленым ирокезом вниз. Он продолжал увлеченно играть в телефон, даже высунул кончик раздвоенного языка. Как будто не ему только что прилетело сумкой. – У меня уже есть свое счастье.

Фурия недовольно поджала губы, но развивать тему не стала. Вместо этого переключила внимание на Сусанну:

– Ну что, подруга, снимаем косы, плетем новые?

– Погнали!

Они дали друг другу «пять», и сестры приступили к работе. Одна срезала и расплетала одну половину волос, другая – другую. Они давно занимались всеми видами плетения волос, и им не было равных в этом мастерстве. А когда они работали сообща, дело продвигалось в разы быстрее.

– Сусанка, я всё хотела с тобой поговорить насчет той аварии... ну, помнишь, с мотоциклистом? – начала Фурия спустя несколько минут. – Мне дико неудобно, что всё так по-дурацки вышло! Я правда его не заметила в зеркале! Еще и тачку тебе помяла...

– Да ладно тебе. Нашла из-за чего переживать, – отмахнулась Сусанна. – Ты ж тока на права сдала. Тебе простительно. И опытные водилы не всегда их замечают. А за тачку тем более не парься – всё давно выправили.

– И еще раз тебе спасибо, что выгорела меня тогда, сев на водительское место. Это ты здорово придумала. Благородно!

– Ты, конечно, лихо сообразила! – вставила, посмеиваясь, Гарпия. – «Ну-ка сдриснула!» и сама такая хренакс-хренакс. Только и замельтешили твои ноги по всему салону! И как тебе удалось так быстро, да еще и в такой тесноте перебраться вперед?! А Фурка ко мне на колени прыг и дрожит такая вся, трясется!

– И мне тогда знатно прилетело от твоих каблуков, вишь? – пожаловался с дивана Карась, указав пальцем на бровь. – Чудом сережку не зацепила, а то порвала бы всё на хрен.

– Ничего. Тебя бы Фурка успокоила!

– Да ладно! Было и было! – почти весело заключила Сусанна.

– А помните, как мы кутили в ресторане на воде и перевернули его? – подал голос Червяк. – Вовка тогда в одном полотенце щеголял. Оно под водой спало, а караси, что разводили в том пруду, приняли его шарик за блесну, и как давай охотиться за ним! – он рассмеялся, вспомнив, как тогда Вовку покусали за его причиндалы благодаря интимному пирсингу. С тех пор Вовка и стал Карасем.

– Смейся, смейся, – пробухтел он и ткнул его локтем в бок.

По радио заиграли тexasские бородачи, и Стикс прибавил громкость.

– Интересно, что стало с тем парнем? – задумчиво проговорила Фурия.

– Он теперь мой личный водитель.

– Да ладно! – она аж присела и заглянула Сусанне в лицо. – Дела! И как так получилось?

– Ну, я сказала папаше, что ему надо помочь. Типа, скоро выборы и бла-бла-бла. Ведь из-за меня вся заваруха началась.

– Якобы, – поправила Фурия.

– И он не придумал ничего умнее, как приставить его моим водителем.

– И тот согласился?! – Червяк даже телефон отложил. Сусанна пожалала плечами:

– Говорит, хорошо платят.

– Так я тоже могу быть твоим водителем! Ты закинь отцу удочку, пусть имеет в виду! – он подмигнул змеиным глазом контактной линзы ее отражению в зеркале, перевернулся и закинул ноги на спинку. И устроил целую потасовку с берцами Карася за удобное место.

– И как? Справляется? – поинтересовалась Гарпия.

– Сегодня первый день. Пока рано судить. Ему только гипс с ноги сняли. Разговорчивый больно. Но довез быстро, надо отдать должное. По каким-то «козьим тропам».

Сусанна погрузилась в воспоминания их разговора о той женщине на остановке с детьми и пакетом. А ведь он в чем-то прав. Она действительно никогда не была за чертой... да даже не то что бедности – за чертой среднего достатка. И перед ней никогда не стоял выбор: работать ради денег или по зову сердца. Да она и не работала никогда. А впрочем, чтобы иметь выбор, нужно иметь для этого время...

Вскоре сестры сняли афрокосы, как следует промыли и прочесали Сусанне волосы и принялись вплетать черные с красным зи-зи. От Стикса вышел парень с обмотанной икрой, а за ним и сам мастер. Короткие синие дреды были собраны в хвост на макушке, и его голова напоминала ананас. Под распахнутой рубашкой с черной майки показывал всем язык Кейт Флинт. Низкая мотня на красных джинсах не давала сделать нормальный шаг, зато «Гриндерсы» ступали мощно и тяжело. Он перекинулся несколькими словами с девчонками, а потом вместе с парнями ушел. Оказывается, они ждали его. Общение с тату-мастером наваяло на Гарпию воспоминания.

– Слу-у-ушайте! Я недавно видела пацка с такой накрутейшей татухой, ну просто закачаешься! – сказала она, когда парни свалили.

Обычно, когда Гарпия видела что-то крутое, она непременно делала то же самое у себя. Так появились «туннели» в ушах, дреды с ниточками, завязочками, перышками, ракушечками и прочим хламом. Сусанна покосилась на нее. Казалось, ей уже некуда набивать новые тату: шея, руки, ноги – все видимые участки кожи были забиты. Она завязала узелок на косичке и стала показывать на себе:

– У него была татуха вот здесь, на шее сбоку, и немного рисунка выходило на контур лица. Изображение я разглядеть не смогла: то ли паутина, то ли что-то в этом роде. Но смотрелось просто отпадно!

– Ты шею свою видела, мать? Там уже точку негде поставить, – прокомментировала Сусанна.

– Да знаю, – она повертела головой, разглядывая в зеркало свою шею. – Вот бы еще одну иметь!

- У тебя же есть. Девственно чистая. У твоего Валентина.
- Вениамина, – поправила Гарпия сестру. – Не, ты что! Он никогда на такое не подпишется! Он вообще не любитель всех этих фриковых приколов.
- Не любитель?! Я бы сказала ярый противник!
- Тут есть тонкая грань. Мне-то ведь он ничего не запрещает.
- И всё равно вы слишком разные, – не унималась Фурия. Она взяла следующую пару косичек и начала вплетать. – Он же... скучный!
- Правильный.
- Он – зануда!
- Основательный.
- Он пресный бухтило! И не спорь!
- Он тщательно всё продумывает до мелочей, прежде чем на что-то решиться. Всё. Закрыли тему. – Некоторое время сестры плели молча под Big in Japan в исполнении Guano Apes. Пока Сусанна не сказала:
 - Но, если у вас совершенно разные вкусы и увлечения, разве можно называть его любимым? Я имею в виду, что любимые должны поддерживать друг друга, разделять интересы, вместе идти к общей цели. А если человек не хочет делать то, что приятно его партнеру, значит, уже разногласия. Значит, вы уже на одни и те же вещи смотрите по-разному. И где-то есть человек, который по праву мог бы считаться твоей половинкой, но его место рядом с тобой занято псевдолюбимым.
 - Будь он таким же чокнутым, как я, нас бы уже давно нашли вместе в какой-нибудь канаве, откинувшись от передоза, или что-то в этом роде. У меня тормоза отсутствуют напрочь, тогда как он – мой тормоз извне. Он как грузик на другой от меня чаше весов, чтобы уравнять их. Тогда находится гармония. Соблюдается баланс. Я даю ему ту безбашенность, которой ему не хватает, а он осаживает меня, когда уже явный перебор. Мы как инь и ян – две противоположности, которые, дополняя друг друга, образуют единое целое. Я так считаю.
 - Ну да. Всё верно. Куда она лезет со своими взглядами? У людей всё иначе. Им не надо идти с человеком к общей цели, чтобы чувствовать себя живым...

Глава 8

Сусанна с сестрами вышла из торгового центра и попрощалась с ними. Они отправились домой, а она к машине. Ждан стоял, прислонившись бедром к капоту, и курил. Ей показалось или он едва сдерживал гнев?

– Можем ехать, – бросила она через плечо, проходя мимо. Ждан щелчком выбросил окурок. Тот выскочил из пальцев, как пушечное ядро, и шмякнулся об асфальт, разлетевшись надвое. Сев за руль, он громко хлопнул дверцей и развернулся к Сусанне:

– Я ждал тебя *6 часов!* Ты не могла сказать, что тебя не будет *так долго?!* Я чуть с ума не сошел от скуки!

– Я не обязана перед тобой отчитываться, – она положила сумку рядом и пожала плечами. – Тебе за это платят.

– Мне платят за то, что я вожу тебя, а не за то, что жду, как сторожевой пес! В следующий раз *будь человеком* – предупреди, что тебя придется ждать полжизни. Я хотя бы придумаю, чем себя занять. – Тут он обратил внимание на ее новую шевелюру и потешно скривился, – это что за «доширак» у тебя на голове?

«Доширак»?!! Вот наглец!!

– Сам ты... Наташа! – огрызнулась Сусанна, но Ждан только усмехнулся и отвернулся завести двигатель. Да, гофрированные зи-зи не пользуются популярностью. Может, как раз из-за сходства с корейской лапшой. Ну и пусть! Зато ей нравится.

На следующий день Сусанна пожелала отправиться на шопинг. Ее сопровождали охранники, и, к счастью, процесс не затянулся надолго. Ждан возил ее от бутика к бутику, чья элита и помпезность просто зашкаливали. Брендированные пакеты планомерно заполняли багажник. Самым неуместным во всей этой чехарде магазинов был обычный торговый центр, который ежедневно посещают множество обычных людей. Потом ей кто-то позвонил, и она болтала по громкой связи. Самвел, что сидел впереди со Жданом, закатил глаза. Разумеется, незаметно для нее. Грайру такой трюк не удался. Из ее нехитрого трепа Ждан узнал, что девчуля приобрела аж восемь шортов от самых известных модельеров за какие-то космические деньги. Купила несколько пар обуви, одну из которых она вряд ли станет носить, а взяла, просто повинаясь порыву. И еще кучу бермудов, кюлотов, тайтсов, лонгсливов, свитшотов и прочей хреновани, названия половины из которых Ждан даже не понял.

К концу дня они подкатали к спра-салону. Сусанна вышла из машины, а Ждан опустил стекло покурить. И вдруг она неожиданно появилась рядом. Опустила руку на дверцу и, наклонившись, заглянула в салон:

– Меня не будет часа три. Не скучайте, мальчики, – обратилась она ко всем, а взглядом прожигала только одного. И они не скучали. Зацепились языками, найдя общие темы для разговора, и время пролетело незаметно.

А Сусанна вновь утонула в сетованиях своего косметолога на непостоянство в личной жизни.

– Он сказал, что пока не готов для серьезных отношений! – сказала она, усаживая Сусанну в кедровую бочку. – То есть я месяц к нему приезжала, и это были НЕ серьезные отношения, так получается?!

– А зачем ты к нему ездила?

– Ну как?? Для секса! – Каролина стрельнула в клиентку, по отношению больше похвалившую на подружку, лукавым взглядом из-под слишком длинных наращенных ресниц. – В постели ему нет равных! Он такой страстный и чувственный!

– Ты так же говорила о своем бывшем бойфренде.

– Ой, тому только секс от меня и нужен был!

– То есть сейчас, ты думаешь, всё иначе? – Сусанна вздернула бровь. Она следила за тем, как Каролина подготавливает кушетку для массажа: обрабатывает дезинфицирующим средством, покрывает специальным материалом. Потом расставила масла и средства по уходу за кожей на поверхность рядом с кушеткой. Зажгла ароматические свечи. Приготовила всё для депиляции. Разложила тюбики для чистки лица.

Каролина была превосходным мастером своего дела. Она не глупа, имеет медицинское образование. А ее внешности могут позавидовать модели с мировым именем. Так почему каждый, кому не лень, пользуется дарами ее тела и потом оставляет, как надоевшую игрушку? Почему ее окружают одни мудаки, которым, кроме секса, от нее больше ничего и не нужно? И самое главное: почему она продолжает напропалую флиртовать со всеми подряд, что приводит к развитию одного и того же сценария, а потом жалуется на это? Сусанне приходили эти вопросы каждый раз после очередной Каролининой истории, которые до смешного походили одна на другую. Неужели они ничему ее не учат?

– А ты не думаешь, что и этот хочет от тебя только секса? – сказала она, и звук голоса получился приглушенным, потому что Сусанна легла на кушетку и уткнулась в нее лицом.

– Конечно же нет! Он говорит со мной о высоком, о чувствах и романтике. Простой кобелина даже слов таких не знает. – Каролина обмакнула руки в разогретое масло и принялась делать массаж. Сусанна повернула голову на бок и продолжила:

– И всё же его действия расходятся со словами. Это ли не главный показатель?

– Сусанночка, а как у тебя на личном фронте?

Вот и поговорили. Так всегда и заканчиваются их разговоры. Каролина ловко загоняла Сусанну в тупик одним единственным вопросом. Как, как? Да никак! И выходит, что может посоветовать человек, сам не имеющий к этому никакого отношения? Сапожник без сапог!

Они закончили все косметические процедуры и вместе покинули салон. Каролина попросила подбросить ее к молодому человеку, а когда узнала, что Сусанну сопровождает охрана, стала чуть ли не слезно умолять об этом. Сусанна была в курсе и, к несчастью, в самых мельчайших подробностях, что ее косметолог успела «повстречаться» с обоими ее охранниками. Но когда они подошли к машине и Каролина увидела Ждана, то сразу позабыла о своих бывших пассиях и переключилась на потенциально новую.

В облегающей футболке с четко проступающими под ней мускулами, в низко надвинутой на глаза кепке и с неизменной наглой ухмылкой на губах, он покорила ее сердце на раз-два. Она смотрела на него так, будто не могла определиться, на какую часть его тела посмотреть в первую очередь. И в чем-то Сусанна могла ее понять.

– Привет! Я Каролина, – промурлыкала она, зазывно глядя на него теплыми карими глазами.

– Салют, – он быстро оценил ее и посмотрел на Сусанну, – едем?

– Да. Завезем Каролину и домой.

– Как скажешь, – ответ был адресован Сусанне, хотя смотрел он на ее подружку. И Сусанна почти почувствовала, как Каролина растекается лужицей у его ног.

Всю дорогу она что есть мочи флиртовала со Жданом. Самвел и Грайр прятали смеющиеся глаза за стеклами темных очков, а по приезде дали парочку похабных советов Ждану, которые поневоле услышала и Сусанна. Охранники взяли по целому вороху пакетов и попросили Ждана помочь донести остальное. Он проследовал за ними на второй этаж и очутился в комнате девушки. Сложил вещи на диван к другим покупкам и зацепился взглядом за стопку рисунков на трюмо. Подошел и стал рассматривать их. Это были не неумелые каракули, а написанные профессиональной рукой картины.

– Что? – он услышал голос, но не разобрал слов.

– Что слышал! – чем-то недовольная и явно агрессивно настроенная хозяйка комнаты вошла и швырнула сумку на пол. – Много себе позволяешь! В договоре не прописано, что рыться в чужих вещах запрещено?

– Это твое? – он пропустил ее слова мимо ушей и показал рисунки.

– Тебя не касается!

– И всё же? – молчание. – Ну?

– Баранки гну! – она подошла вплотную и вырвала стопку из его рук. – Свободен!

На следующий день он вновь возил мрачную и молчаливую Сусанну по ее суперважным делам. И на следующий день. И так до конца недели. Пока однажды она не заставила себя ждать до неприличия долго. Ждан позвонил в парадные двери, и ему открыла экономка. Она же подсказала, что Сусанна в обеденной зале и что-то еще, чего Ждан уже не расслышал, сердито топая в указанном направлении.

– Долго мне тебя еще жда... – начал он, врываясь в залу. Это было неуместно и не вовремя. Несколько пар глаз оторвались от яств на своих тарелках и уставились на него. Среди всех он узнал Шустова во главе стола и его дочь по правую руку от него.

– Сегодня у меня нет никаких дел. Ты можешь быть свободен. Я сообщу, когда мне понадобятся твои услуги, – соловушкой пропела Сусанна, а глаза ой как недобро шурились. Начавший было остывать парень вспетушился по новой:

– Ты сама мне сказала быть готовым в три! Время шесть!!! Я прождал тебя три часа!!!

– Должно быть, ты перепутал дни. Я не могла назначить дела вне дома, когда они уже были запланированы здесь. – Вдруг она как-то смешно скривилась и дернулась. – Но раз уж ты здесь, с нашей стороны будет крайне невежливо отказать тебе в гостеприимстве, не так ли, папа?

– Разумеется, дорогая. Прошу за стол разделить нашу скромную трапезу. – Шустов сделал знак прислуге вынести приборы на еще одну персону. Сусанна снова скуксилась, и Ждану стало до чертиков любопытно, что с ней творится.

– Присаживайся вот здесь, со мной рядом. А Эдуард сможет пересесть к родителям.

Ждан обратил внимание на плюгавенького паренька по правую руку от Сусанны. Волосы пшеничного цвета были разделены на боковой пробор и зачесаны гелем. Серые глаза с таким сожалением посмотрели на девушку, словно она только что предала всё самое святое, что было между ними.

– Право, Эдик, я не могу оставить своего водителя без внимания. Он наверняка растеряется в столь изысканном обществе, – приторно-сладко протянула она.

– Я понимаю.

Эдуард прижался губами к руке Сусанны, и по ее лицу пробежала еле заметная тень безразличия. Он встал, убрав салфетку с колен, поправил свой дорогой галстук на дорогой сорочке, обошел стол и сел рядом с парой в летах – его родителями.

Ждан нацепил на лицо нагловатую ухмылку. Вечер перестает быть томным! Снял кепку и взъерошил волосы. В этот раз на нем была серая футболка с принтом Бивиса и Баттхеда и широченные джинсы с большими накладными карманами. Он прохромал к столу и с шумом выдвинул стул, не приподнимая его над полом. Резкий звук по паркету полоснул слух, никак не вписываясь в звучащее фоном музыкальное сопровождение симфонического оркестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.